

«ВЕЛИЧЕСТВЕННО ГРУСТНЫЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ
ОБЛИК»

(М. Ю. Лермонтов и Ал. Цатурян)

Р. В. Татевосян

В 90-е годы прошлого столетия Ал. Цатурян был одним из самых популярных и любимых армянских поэтов. «В школе,— вспоминает Исаакян,— учили наизусть его стихотворения, на вечерах больше всего декламировались его произведения. Наше юношество, в условиях мрачной действительности России жаждущее света и свободлюбивого слова, воодушевлялось воспеваемыми им народно-демократическими чувствами, идеями»¹. Впоследствии стихотворения Цатуряна, как и всякое другое явление искусства, переоценивались, восторги современников сменялись беспристрастными оценками наследников. Оценки эти тоже были значительны. «Идеи Цатуряна были идеями передовой интеллигенции его времени, он жил с лучшими людьми своего времени, воодушевлялся и пел их идеи,—писал В. Терян.— Цатурян внес в нашу поэтическую литературу такие нежные, музыкальные и красивые страницы, которые никогда не умрут»².

Особое влияние на поэзию Цатуряна оказала русская литература. «Влияние русской литературы на армянскую (на литературу русских армян, конечно) по-моему велико,— писал Цатурян Ю. Веселовскому,— и трудно указать из наших писателей такого, который так или иначе не подпал бы под это влияние». И дальше о себе: «Что же касается влияния русской литературы и особенно русской поэзии на меня, то оно огромно. Моя скромная лира многим и многим обязана этому влиянию». «Из русских поэтов,— продолжает он,— особенно горячо полюбил я Лермонтова.... Моя скромная лира всегда с благоговением и священным трепетом смотрела на этот величественно грустный поэтический облик. Этот беспокойный, вечно томящийся дух, этот «одинокый парус» на море житейском, вечно ищущий бури, «как будто в бурях есть покой», меня очаровывал, меня приводил в глубокое волнение»³. Любимые произведения, творчество любимых поэтов, писателей становились для Цатуряна предметом изучения, споров. Веселовский писал: «Искренне и глубоко любил Цатурян литературу и эту любовь пронес неизменно через всю свою жизнь. Всего ближе, конечно, были ему родная литература, которой он служил с таким увлечением, но и писатели других народов живо интересовали и захватывали его. Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Чехов, Кнут Гамсун, Метерлинк, Гауптман, Роденбах, Ибсен и обсуждались в товарищеском кругу»⁴.

Свою литературную деятельность Цатурян начинает переводом из русской поэзии⁵. В первый же сборник⁶ включает значительное число переводов русских и западноевропейских авторов (Лермонтов, Гейне, Уланд, Лонгфелло и др.). Впоследствии раздел переводных произведений не сокращается, а расширяется, причем ос-

¹ Ав. Исаакян, Сочинения в четырех томах, т. 4, Ереван, 1959, стр. 130—131.

² В. Терян, Собр. соч. в трех томах, т. 2, Ереван, 1961, стр. 239.

³ Ю. Веселовский, Очерки армянской литературы, истории и культуры, изд. «Ай-астан», 1972, стр. 320.

⁴ Там же, стр. 463.

⁵ «Ахпюр», 1885, № 1.

⁶ Ал. Цатурян, Стихотворения, т. I, М., 1891. Из Лермонтова здесь помещены переводы стихотворений «Нищий» и «Эпитафия».

Новое внимание поэта сосредоточивается на переводах из русской поэзии. Цатурян, по существу, единственный профессиональный переводчик в армянской литературе. Русскую поэзию он переводит не от случая к случаю, а в течение всей жизни, «сознательно и систематически»⁷, по выражению Брюсова. Работа Цатуряна в области переводов, без которой невозможно составить целостное представление о его литературной деятельности, всегда высоко оценивалась: «В течение 25 лет Цатурян украшал страницы армянской периодической печати созданиями своего талантливого пера, и оригинальными, и переводными»⁸.

Переводы в наследии Цатуряна не обособленный раздел. Сам поэт считал их неотделимой, необходимой частью своего оригинального творчества. «Ал. Цатурян отдавал предпочтение тем художественным произведениям, которые так или иначе созвучны мотивам его поэзии и тем самым кроме того, что представляли переводимого поэта, в какой-то степени выражали также и его мысли, его чувства и идеалы,— пишет Ар. Фелекян.— Посредством перевода он стремился донести свое слово, дополнить то, чего еще не сказал в своем оригинальном творчестве»⁹. В литературоведении справедливо отмечалось, что часто, «переводя даже посвященные природе стихотворения, он (Цатурян—Р. Т.) выбирает такие, которые изображают или напоминают родную природу»¹⁰. Требования времени определяют выбор произведений. Если в 80—90-е годы, в новый период армянской поэзии, начатый Иоаннисяном, Цатурян переводит преимущественно лирические стихотворения, то во время революции 1905 г. он склоняется к свободолюбивым, гражданским произведениям Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Плещеева.

Цатурян—требовательный мастер перевода. У него нет статей о трудности перевода и мастерстве переводчика, о значении эстетических взглядов и вкусов,— и шире: о влиянии переводимого автора на переводчика, литературы на литературу. Но есть отдельные интересные замечания о поэзии, сохранившиеся в его письмах. Перевод Цатурян считал творческой работой (и сложнейшей) и творческой переключкой. Нар-Досу он писал: «Что касается «Моцарта и Сальери»—это очень серьезная работа, дорогой, и сразу нельзя перевести, тем более по заказу»¹¹. Отвергая принцип «пс заказу» и «сразу», Цатурян подчеркивал значение вкусов и взглядов переводчика: «...Я хорошо знаю, что в данном случае (при выборе стихов для перевода—Р. Т.) личное чувство, личный вкус играют большую роль»¹². В своей работе он всегда учитывал достижения и промахи других переводчиков. Так, он отказывается перевести «Тараса Бульбу», подчеркивая, что эта повесть удачно переведена М. Абегианом, но переводит пьесу Ю. Сумбатова «Измена», хотя она была не только переведена, но и поставлена на армянской сцене. Переводя «Силезских ткачей» Гейне с подстрочника, Цатурян имел под рукой, «использовал» два явно далеких (и это отмечал он сам) от оригинала перевода этого произведения на русский язык¹³, т. е. каждый раз берясь за перевод, он с чувством большой ответственности оценивал свои силы, свои возможности.

Цатурян много перевел из Лермонтова. В 1888 г. он печатает «Эпитафию» Лермонтова¹⁴, в 1914—отрывки из «Ангела смерти»¹⁵ и другие стихотворения¹⁶, а за четверть века между этими двумя датами—более 30-и стихотворений. Сборник «Русские поэты», первый том которого посвящен «венцу» русской поэзии Пушкину и «особенно горячо любимому» Лермонтову, Цатурян предполагал издать еще в 90-е годы¹⁷. Намерение это по разным причинам, в основном из-за затруднительного материального состояния поэта, не было осуществлено. Это чрезвычайно огорчало Цатуряна. «Такая работа,— писал он,— могла способствовать и уточнению нашего вкуса, и развитию, облагораживанию нашего сердца и души»¹⁸. Первый том сборника вышел в свет в 1905 г. В предисловии («Два слова») Цатурян сформулировал свою задачу: «в какой-то степени составить у армянской общественности представление о богатой и обширной русской поэзии, приводя образцы из известных представителей ее, начиная с Пушкина и кончая современными поэтами». Первый том, продолжает Цатурян, «посвящаем Пушкину и Лермонтову, известным и великим представителям русской поэзии, которые в истории русской поэзии занимают совершенно исключи-

⁷ «Поэзия Армении», 1916, стр. 81.

⁸ «Гехарвест», 1911, кн. 4, стр. 209. См. также: «Армянский вестник», 1917, № 5.

⁹ Ар. Фелекян, Ал. Цатурян, Ереван, 1965, стр. 241.

¹⁰ «История армянской литературы», т. 4, Ереван, 1972, стр. 649.

¹¹ «Литературное наследство», кн. I, Ер., Изд. АН Арм. ССР, 1961, стр. 84.

¹² Там же, стр. 43.

¹³ См. об этом: «Хорурданн гракантун», 1937, № 4.

¹⁴ «Аракс», 1888, кн. 2, стр. 129.

¹⁵ «Гахут», 1914, № 25, 30.

¹⁶ См.: «Гахут», 1914, № 33 и др.

¹⁷ См. А. Бежанян, Ал. Цатурян, Ереван, 1960, стр. 148—149.

¹⁸ «Литературное наследство», стр. 52.

тельное место». Сборник «Русские поэты» способствовал созданию у армянского читателя более или менее **цельного** представления о русской поэзии, о том или ином авторе. Это оценила и современная поэту критика¹⁹.

К переводам из Лермонтова Цатурян подходил с большой выскательностью. «Ведь знаете, что переводить Лермонтова дело несуеточное...,— писал он Ц. Ханзядяну по поводу «Ангела смерти».—Когда переводить его, он своим огромным талантом так давит на тебя, что можно расплющиться...»²⁰. И тем не менее Цатурян часто брался за этот несуеточный труд и стремился достигнуть в переводе силы звучания. Каждое переиздание возвращало его к работе над текстом. Достаточно сравнить опубликованные в периодической печати в 80—90-е годы (в «Мурч», «Араксе») переводы стихотворений Лермонтова—«Эпитафия», «Нищий»²¹, «Ангел», «Молитва» («В минуту жизни трудную»), «Дубовый листок...», «Когда волнуется желтеющая нива», «На буйном пируестве», «Нет, не тебя...», «Тебе, Кавказ, суровый царь земли», «Русская мелодия», «Гляжу на будущность», «Не верь себе», «Я не хочу...», «Любовь мертвеца», «Узник», «Пророк» и др.—с их изданием в сборнике «Русские поэты» (1905). Примечательно, что переработаны (почти без исключений) все переводы, даже те, которые впоследствии считались «нетронутыми», например «Оправдание». Изменилась и начальная строчка стихотворения: в «Мурч»—*«Երբ Վերջին հրաժեշտն ես երկրին տալիս»* («Когда последний раз прощаешься с миром»), а в сборнике²²—*«Երբ Կյանքին վերջին հրաժեշտ տալիս»* («Когда последний раз прощаясь с жизнью»).

Не только оригинальное творчество, но и переводы писателей, изменения, вносимые ими в разные годы, отражают развитие и совершенствование стиля. Оригинальная ранняя поэма Туманяна «Отвергнутый закон», например, с точки зрения поэтических средств, стиля—мнее «туманяновская», чем перевод «Мцыри» Лермонтова. Работая над переводами, Цатурян искал наиболее точных слов, выражений, интонаций. Он очищал переводы от диалектизмов, форм габара. О некоторых изменениях, внесенных в разное время в переводы из Лермонтова, пишет С. Даниелян²⁴.

Для Цатуряна, лире которого свойственны грусть и печаль, вызванные тяжелым положением народа, одна из основных тем—это тема служения народу, миссии поэта, его долга («Армянскому певцу», «Тебе мое страдание», «Поэту», «Апостол» и др.). В ее разработке несомненно лермонтовские традиции. Цатурян требует от певца «возвышенных, огненных» слов, голоса, звучащего, «как колокол на башне вечевой»

*Проснись, певец, воспрянь и, полон вдохновенья,
Нам песнь могучую восторженно ты спой!
И славу дней былых и блеск поведай миру,
Чтоб смело прозвучал могучий гимн певца,
Струнами звучными своей свободной лиры
Всесильно пробуждай заснувшие сердца!..*

(«Армянскому певцу», пер. Л. Уманца)

В переводческой деятельности Цатурян тоже не раз обращается к стихам русских поэтов о поэте-пророке, о его высоком даре и тернистом пути—«Пророк» Пушкина, «Не верь себе», «Пророк» Лермонтова, «Блажен незлобивый поэт», «Муза» Некрасова. «Поэту» Плещеева. Демократическое звучание лиры Цатуряна сближало его в разработке этой темы с Некрасовым, поющим бедных и обездоленных.

*...Рано надо мной отяготели узы
Другой, неласковой и нелюбимой Музы,
Печальной спутницы печальных бедняков,
Рожденных для труда, страданья и оков.*

(Некрасов «Муза»)

Желая освобождения своего народа, Цатурян жаждет борьбы. «В борьбе и смерть, в борьбе—и избавление»,—утверждает он («Борьба», «Вечная борьба»). Говоря в письме к Веселовскому о любви своей к Лермонтову, характеризуя его поэзию, Цатурян приводит строки «Паруса». И этим своим устремлением к борьбе, к мятежной жизни была родственна ему поэзия Лермонтова.

Сравнение поэтического слова с оружием традиционно в мировой поэзии. Байрон, например, уподоблял стихотворение ручной гранате, слово—молнии, мысль—мечу. В русском поэтическом сознании образ «слово—оружие» связывается с именем Лермон-

¹⁹ См. «Гехарвест», 1908, № 2, Статья О. Соловяна.

²⁰ «Литературное наследство», стр. 109.

²¹ Этот перевод подписан—«Арцивян». См. «Мурч», 1889, № 8, стр. 1224.

²² «Мурч», 1893, № 5, стр. 753.

²³ «Русские поэты», М., 1905, стр. 96—97.

²⁴ См. С. Даниелян, Лермонтов и армянская культура, Ереван, 1960, стр. 122—126.

това. Огромный заряд гражданственности заложен в «Поэте» Лермонтова, в сравнении слова с кинжалом, в последних гневных словах, обращенных к современникам:

*Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк?
Иль никогда на голос мищенья
Из золотых ножон не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?*

Своеобразной разработкой этого образа является стихотворение Цатуряна «Блести, стальной мой кинжал», в котором воспевается борьба за освобождение угнетенного народа.

*Блести, стальной мой кинжал,
Мой бесценный друг,
Моему угнетенному народу дай мирной жизни,
И светлых дней...
Хватит сколько покрывала тебя, мой друг,
Черная ржавчина,
Хватит, сколько враг моего народа
Высмеивал твою силу...*

(подстрочный перевод)

В лирике Цатуряна звучит призыв к борьбе, устремление к будущему, к свободе. Когда настоящее требует активного вмешательства в жизнь, поэт готов забыть о «ордой старине», он призывает к действию:

*Гордый воспоминаниями прошлого,
В настоящем—сложив руки,
Ты всегда жил старыми-престарыми песнями,
Облокотясь на подушки истории.*

(«Достаточно, народ мой...», подстрочный пер.)

Эти стихи в некоторой степени предваряют патриотическую лирику Теряна, его «Страну Нанри», в которой органическое развитие получили лермонтовские традиции, «странная любовь» к Родине, не восторгающаяся «темной старины заветными преданьями».

В 80—90-е годы новым было слово сердца, интимных переживаний, философских раздумий, лирика природы. Любовная лирика Цатуряна—это дневник души (так он и называет цикл своих стихов—«Из моего дневника»). И в нем—радость любви, обретение в ней и через нее новой жизни, и мученье, любовь—печаль («В юной груди сердце чувствительнее», «Добрый ангел», «Снова жизнь любви»), в нем—встреча и прощанье:

*Знаю, дорогая, что я незваный,
Случайный гость в твоих глазах,
Но пусть хоть незабываемое желание любви моей
Останется здесь—на страницах твоего альбома...*
(«В альбом—И», подстрочный пер.)

На эти строки Цатуряна оказали влияние «стихи в альбом» русских поэтов, в частности Лермонтова:

*И стих безумный, стих прощальный
В альбом твой бросил для тебя,
Как след единственный, печальный,
Который здесь оставляю я.*
(«В альбом Н. Ф. Ивановой»)

*Как одинокая гробница
Внимание путника зовет,
Так эта бледная страница
Пусть милый взор твой привлечет.*
(«В альбом». Из Байрона).

В 1894 г. Цатурян женится на Вере Ахвердян, которая остается его верным другом до конца жизни. Она оставляет своего богатого мужа, пренебрегает общественным мнением и связывает свою судьбу с любимым поэтом. «Гонимая любовь» отразилась в поэзии Цатуряна.

*Любить, страдать, везде встречать гоненья—
Вот что нас ждет. Удобно так судьбе.
Что ж, я готов. Я в жизни знал мученья.
Но для чего же так страдать тебе?!*

(«Гонимая любовь», пер. Е. Полонской).

В лирической разработке этого глубоко прочувствованного в жизни конфликта «любовь—толпа» Цатурян многое почерпнул и в русской поэзии, в частности в лирике Лермонтова. Презрение толпы и преследование женщины, которая бросила ей вызов своей любовью, свободой в любви, изображается во многих стихотворениях Лермонтова.

*Мне грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цветущую твою
Не пощадит молвы коварное гоненье.
За каждый светлый день иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбе.
Мне грустно... потому что весело тебе.*

Цатурян перевел «Оправдание» Лермонтова, в котором тоже отражен этот конфликт:

*Когда пред общим приговором
Ты смолкнешь, голову склоня,
И будет для тебя позором
Любовь безгрешная твоя,—*

*Но пред судом толпы лукавой
Скажи, что судит нас иной,
И что прощать святое право
Страданьем куплено тобой.*

В переводах Цатуряна из Лермонтова значительное место отведено любовной лирике—«Нет, не тебя так пылко я люблю», «Любовь мертвеца», «Оправдание», «Нищий», «Стансы». Ар. Фелекян, подчеркивая, что любовные стихи составляют подавляющее большинство переводов Цатуряна из Лермонтова, причисляет к ним «Посвящение», «Русскую мелодию»²⁵.

Эти стихи в переводе Цатуряна, действительно, воспринимаются как любовные. Например, переводя «Посвящение»,

*Тебе я некогда вверял
Души взволнованной мечты;
Я беден был—ты это знал—
И бедняка не кинул ты*

(Подчеркнуто нами—Р. Т.)

Цатурян добавляет очень эмоциональные обращения, которых нет в оригинале—*հոգիակ, իմ անդին* (душенка, моя бесценная). В переводе «Русской мелодии», стихотворения с несоизмеримости искусства и действительности, также акцентируется тема любви. Последние напряженные строки стихотворения

*И слышится начало песни!—не напрасно!—
Никто конца ее не допоет!..*

переведены так:

*Եվ իրգւ Եք դուք փափազում վերջաբան—
Ո՞վ կարող է սիրո երգին տալ վախճան...*

*(Напрасно ждете вы конца—
Кто может закончить песнь любви?)*

Из «Ангела смерти» Цатурян выбирает только «любовную повесть» Зораима и Ады. Не переведено все, связанное собственно с ангелом смерти, с превращением «ангела нежного» в ангела смерти, т. е. посвящение и строки 31—61, 134—232, 427—550.

Как мы уже отмечали, оригинальные стихи и переводы Цатуряна тесно связаны друг с другом, составляют творческое единство. Цатурян переводит, например, «Узника» Пушкина и Лермонтова, которые перекликаются с его «Песней заключенного».

²⁵ Ар. Фелекян, Ал. Цатурян, стр. 244.

Лирический герой Цатуряна хочет стать свободным, как птица, как орел. Это страстное желание пандухта, изгнанника, мечтающего о своей родине.

Переводя «Листок» Лермонтова, Цатурян вносит некоторые оригинальные черты. Сам выбор этого стихотворения и его «перестройка» говорят о том, что оно ассоциировалось у Цатуряна (и это он хотел «передать армянскому читателю») с тяжелой судьбой пандухта. Цатурян увеличивает число эпитетов, подчеркивающих жалкое положение листка—*խղճուկ, ակճառուկ, խղճ պանդուկ, պանդխտուկ*. Свободно варьируется «Утес» Лермонтова (тоже переведенный Цатуряном) в его оригинальном стихотворении «Волна». У Лермонтова это «повесть» о тучке и утесе:

*Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стис, задумался глубоко
И тихонько плачет он в пустыне.*

У Цатуряна волна прощается с утесом:

*И она дотянулась... дотянулась, прильнула, поцеловала
Грудь утеса и горько застонала,
Рассыпалась в брызги бедная волна и иссякла.
Лишь слезу оставила на безмолвной груди утеса...*
(подстрочный перевод)

Кстати, эта картина льющих к утесу волн, эти образы есть и в стихотворении Иоаннисяна «Седым великаном минувших времен» (1884 г.), написанном раньше «Волны» и, возможно, повлиявшем на него. Но у Иоаннисяна они наполнены иным смыслом, иным значением.

Среди переводов Цатуряна особое место отведено произведениям Пушкина и Лермонтова, посвященным Кавказу («Кавказ» Пушкина, «Тамара», «Тебе, Кавказ, суровый царь земли», «Спеша на север из далека» Лермонтова и т. д.). Цатуряна воодушевляла искренняя любовь русских поэтов к свобододлюбивым горцам. Эти произведения привлекали его, конечно, и прекрасными картинами природы. Иногда в родной сердцу пейзаж Цатурян вносит дополнительные (но не диссонансирующие) краски. Например, строка «И к небесам пустыни приучили» («Измаил-бей», 16 строка) в переводе Цатуряна получает новый эпитет: *վառ երկնքին* (к яркому небу). У Лермонтова:

*Пещеры и холмы крутые
Как стражи окликаются ночные.*

В переводе Цатуряна—храбрые стражи (*քաջ պահապաններ*). Интересно сравнить пейзаж Цатуряна и Туманяна, выполненные почти в одно и то же время. В 1892 г. Туманян печатает перевод стихотворения Лермонтова «Я не хочу, чтоб свет узнал», перекликающегося с оригинальным развитием трагической темы в творчестве поэта 1890—1902 годов. Гордая отъединенность от толпы предстает здесь картиной возвышающегося среди бурливых волн утеса:

*Укор невежд, укор людей
Души высокой не печалит;
Пускай шумит волна морей,
Утес гранитный не повалит.*

С. Даниелян, сравнивая перевод Туманяна с переводами Цатуряна и Комуни, отдает явное предпочтение двум последним. Он считает, что смысл стихотворения Лермонтова не полностью раскрыт Туманяном²⁶. Точность в таком понимании—это соответствие слова подлинника с его переводом, и потому делается вывод, что в переводе допущены искажения. «На самом же деле в переводах Туманяна нет таких искажений. Только при буквальном анализе может показаться, что все неточно, все не соответствует, все не совпадает—отсюда и удивление: все изменено, а дух поэзии остался сохраненным»²⁷. Туманян точно и творчески воссоздает образы лермонтовского стихотворения, тонко передает его интонационный рисунок. Вот, например, как звучит следующая строфа

*Им сердце в чувствах даст отчет;
У них попросит сожаленья;
И пусть меня накажет тот,
Кто избрел мои мученья*

²⁶ См. С. Даниелян, Лермонтов и армянская культура, стр. 140—142.

²⁷ Л. Мкртчян, О стихах и переводах, Ереван, 1965, стр. 165.

в переводе Цатуряна:

Եվ նոցա առաջ սիրտը կը բացվի,
Հոյս դրած նոցա ջեմ կարեկցության,
Եվ թող նա՛ միայն, թող նա՛ ինձ պատժի,
Ով վերաս դրամ տանջանքի շրթան:

и у Туманяна, сохранившего «длину» строки, сжатость и чеканность стиха (в переводе Цатуряна строка удлинена, в ней 10 слогов), его энергичную и горестную интонацию:

Նրանց կրտս սիրտս հաշիվ
Եվ նրանցից կրհայցե գութ,
Եվ թող նա ինձ միայն պատժի
Ով ցավերիս տվեց սնունդ:

Не раз звучали на армянском языке тихие и торжественные строки «Ангела» Лермонтова. К этому стихотворению обращались многие переводчики²⁶. Перевод Туманяна всрен оригиналу своей музыкальностью. Формы грабара, употребленные потом, передают возвышенное звучание, стилистическую приподнятость стиха:

Կես գիշերային լուին երկանում
Քրոշում էր հրեշտակ և խաղաղ երգում,
Եվ լուսինն, աստղերն, ամպեր խմբովին,
Ունկրնդիր էին նորա սուրբ երգին:

Туманян стремится воссоздать все образы лермонтовского стихотворения. Например, строки Лермонтова

*Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов*

у Туманяна переведены так:

Նա արդարների վայելքն էր երգում
Ծառերի տակին—դրախտի այգում:

В переводе Цатуряна утрачивался образ второй строки:

Երգում էր նա բախտ և երջանկություն
Եղեմում ապրող սուրբ ոգիների:

*(Он пел о счастье и радости
Святых духов, живущих в Эдеме).*

В «Ангеле» противопоставлены небо и земля, горе и блаженство. Напряженность и драматизм этого противопоставления удивительно переданы Туманяном, в переводе Цатуряна они сглаживаются.

Նա գրկում բռնած մի մատաղ հոգի
Բերում էր երկիրն վշտի, արցունքի,
Եվ մատաղ հոգում հնչյունքն երկնային
Քեկ անբարբառ, կենդանի մնացին:

(перевод Туманяна)

²⁶ Первый перевод этого стихотворения выполнен Амазаспянцем, в кн.: «Переводы в прозе и в стихах с русского на армянский». М., 1843. См. также: «Масяц агавни», 1860, № 9, стр. 151 (переводчик не указан. Есть предположения, что это редактор, Г. Айвазовский), «Андес амсоря», 1891, № 4 (пер. Анопяна), «Тараз», 1894, № 43 (пер. Ар. Туманяна), «Базмавел», 1904, № 4, стр. 148 (пер. Кушнеряна), «Базмавел», 1905, № 7—8, стр. 357 (пер. Пальяна), «Луйс», 1914, № 19 (пер. Бабяна) и др.

Մատաղ էակ էր նա գրրկին տանում
Երկրային վշտի, արցունքի համար,
Եվ երգն հրեշտակի այդ մատաղ սրբունում
Մընաց կենդանի՞, բեպետ անբարքան:
(перевод Цатуряна)

Эта строфа, и в частности подчеркнутая нами строка, в переводе Цатуряна «отдалены» от лермонтовского стихотворения. Цатурян переводит—для земного горя, слез (значит, возможно было и земное счастье?). В романтическом стихотворении Лермонтова нет такой возможности:

*Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез.*

В переводе концовки:

*И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.*

Цатурян также несколько ослабляет напряженность звучания:

**Եվ անպատմելի մի տենչանք հոգում
Երկա՛ր տառապեց այն մատաղ հոգին,
Բայց նորև երկիրն յուր սրխուր երգով
Չը փոխարինեց երգը երկնային:**

Туманян же точен в передаче нюансов значения:

**Եվ անպատմելի մի տենչանք հոգում
Նա շատ տառապեց, տանջվեց աշխարհում
Եվ չըկարացին երգին երկնալուր
Փոխարինել երկրի երգերը սխուր:**

(Душа томится на земле. Ей *не* смогли заменить небесных песен скучные песни земли)

Любое явление искусства, конечно, и переводы, довольно быстро устаревающие, нужно оценивать исторически. Еще современники видели в переводах Цатуряна погрешности, неточности, иногда ошибки²⁹. Однако историческое значение переводческой деятельности Цатуряна, способствовавшей созданию у армянского читателя достаточно полного представления о русских поэтах, несомненно. А лучшие переводы поэта из Лермонтова и в наши дни сохраняют свое эстетическое значение.

ԻՒ. ԽԱՒԻՎՈՍՅԱՆ—Վեհերեն քայծոտ բանաստեղծական կերպար (Մ. Լեւոնտովը և Ալ. Մատուռյանը).—Մ. Լեւոնտովի և Ալ. Մատուռյանի գրական առնչությունների պրոբլեմը կարևոր է ինչպես հայ բանաստեղծի ստեղծագործության ավելի ամբողջական դիտարկման, այնպես էլ հայ գրականության մեջ լեւոնտովյան պոեզիայի արձագանքները որոշելու տեսանկյունից: Մատուռյանը հաճախ և շատ է թարգմանել իրեն «հատկապես ջերմորեն սիրելի» պոետի երկերից: Այդ թարգմանությունները մոտ ու հարազատ են Մատուռյանի ինքնուրույն ստեղծագործություններին: Հողվածում քննվում են Լեւոնտովի պոեզիայի թողած ազդեցության, մեծ պոետի ծատուրյանական ըմբռնման հարցերը:

²⁹ Տ.Մ. «Горц». № 7—8, стр. 122—124 (статья Ц. Ханзадяна),